

Новые страницы дружбы

ПРИБЛИЖАЮЩЕЕСЯ СТОЛЕТИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ТЕАТРА ПРИВЛЕКАЕТ ВНИМАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ БРАТСКИХ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК. СЕГОДНЯ ВЕЧЕРНИЙ «БАКУ» ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ СТАТЬЮ ЕРЕВАНЦА Л. ХАЛАТЯНА, ПЕРЕПЕЧАТЫВАЕМУЮ НАМИ С НЕКОТОРЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ ИЗ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ АРМЕНИЯ».

Имя выдающегося азербайджанского трагика Гусейна Араблинского хорошо знакомо мастерам армянской сцены. В числе тех, кто часто общался, любил и высоко ценил известного артиста, был и профессор Левон Калантар. В своей статье «Дорогие гости», опубликованной в газете «Коммунист» в 1954 году по случаю ереванских гастролей театра имени Азизбекова, Калантар коснулся и артистической индивидуальности Араблинского.

Значение этой статьи, на мой взгляд, выходит за рамки истории армяно-азербайджанских театральных связей. Автор не ограничивается общей оценкой театра имени Азизбекова, а, говоря о национальном стиле и направлениях азербайджанского театра, пытается охарактеризовать народный облик театра, опираясь и на свои личные впечатления от Араблинского.

«Автору этих строк посчастливилось видеть на сцене и в жизни Гусейна Араблинского, — пишет Л. Калантар. — Это был исключительно интересный актер. Все в нем дышало страстью, каждая исполняемая им роль являла собой целый каскад бурно сменяющихся друг друга чувств, взлетов и падений, высокой патетики и нежной лирики, борьбы и смирения. И во всем этом не было ничего хаотического. Его исполнение было целиком устремленным, всегда было одухотворено ведущей идеей...».

Возвращаясь к современным мастерам театра имени М. Азизбекова, Калантар пишет: «В азербайджанских актерах поражает прежде всего удивительная непосредственность прямого эмоционального восприятия... Эта эмоциональность придает их искусству романтическую окраску, ту самую, которая столь типична была еще для искусства Араблинского».

Если Левона Калантара заинтересовало общее направление творчества азербайджанского трагика и его связи с отечественным театром, то Ваграм Папазян, излагая свои

впечатления, попросту заново переживал его творческую судьбу, стремясь, как он сам говорит, «призвать его могучий дух». С восторженным отношением Папазян к Араблинскому можно познакомиться по книге С. Ризаева «Страницы дружбы». Отметим лишь одно интересное высказывание мастера армянской сцены.

«Этот красавец был артистом, одним из артистов азербайджанского театра, да, одним, но артистом необыкновенным. Его Франц и несколько сцен из «Гамлета» остались в моей благодарной памяти редким искусством исполнения и глубоким умением аналитического проникновения в образ».

Дело в том, что Араблинский, как свидетельствуют факты, Гамлета не сыграл. Не успел, времени не хватило, короткой была его жизнь и жестокой судьба.

Что это? Путаница, недоразумение или творческий вымысел, что мы часто наблюдаем в литературных сочинениях Папазяна?

Папазян подружился с Араблинским в Баку и часто с ним общался в 1907 году. В том же году был сыгран Франц. Значит, это бесспорный факт. А Гамлет?

Конечно, не исключено, что Араблинский в присутствии Папазяна и для него пробовал играть несколько сцен из «Гамлета», надеясь получить полезные советы от молодого артиста, получившего образование в Милане и Париже. Ведь и Папазян в этот период мечтал о Гамлете.

Ведь Папазян видел в нем Гамлета, воображал его Гамлетом, находил его вполне подходящим и готовым для этой творческой сверхзадачи. К тому же надо сказать, что у Папазяна к Гамлету было, если можно так выразиться, особое ревниво-неуступчивое отношение. Даже мысленно, одному из тысячи, он не мог уступить эту роль, как будто свыше ему предназначенную. И если уступил, это, пожалуй, само по себе свидетельствовало о самой высокой оценке таланта Араблинского.

В Араблинском Папазян фактически видел не только внешнюю красоту, но и красоту его мечтаний, неиссякаемых творческих возможностей. Пожалуй, эти мечты их и сблизили.

Таким образом, согласно этой «таинственной выдумке» Папазяна, Араблинский сыграл Гамлета, он не мог не играть Гамлета. Гамлет был их сокровенным желанием, трепетным языком их дружбы.